Двое суток пролетели незаметно. Тех, кто сумел преодолеть мост, набралось несколько тысяч, однако те, кто дополз до финиша из последних сил, едва ли могли рассчитывать на успех в следующих испытаниях. Едва время вышло, всех оставшихся на переправе мгновенно перенесло обратно на берег Города Юэлин.

Первый этап официально завершился. Лю Хэюй покинул площадь, и почти сразу в самом её центре, прямо в воздухе, начал проступать силуэт другого практика. Сначала призрачный и зыбкий, он постепенно обретал плотность, пока не воплотился окончательно.

Сотни людей посмотрели на новоприбывшего. Он, как и его предшественник, был облачён в чёрную мантию, расшитую золотыми узорами — вероятно, гербом или особым знаком отличия. Цзюнь Чи невольно отметил про себя: пока весь мир гонится за чистотой белого цвета, великие мастера, похоже, предпочитают свободу выбора и всё чаще облачаются в тёмное.

«А что, чёрный — это практично, — усмехнулся он. — И грязь не видна, и стройнит».

— Я Минь Сюцин, экзаменатор второго этапа, — представился заклинатель.

Его голос, чистый и звонкий, доносился до каждого так отчётливо, словно мастер шептал прямо на ухо.

Бай Цзянь мгновенно подобрался и придвинулся ближе к Цзюнь Чи.

— Будь начеку, — зашептал он. — Его духовное оружие — кисть. Он не просто рисует драконов, он воплощает целые массивы Драконьего строя. На прошлом Великом состязании Яньу он вошёл в двадцатку лучших. Невероятный человек.

Цзюнь Чи кивнул, заметив, как изменилось лицо приятеля — от былого легкомыслия не осталось и следа. Появление Минь Сюцина заставило притихнуть даже самых заносчивых гениев, которые до этого момента считали победу делом решённым.

— Что, по-вашему, должен взращивать в себе практик? — продолжал Минь Сюцин. — Техники? Боевую мощь? По мне, так истинный путь — это поиск своего подлинного «я», единственная тропа к познанию Небесного Дао. А потому ваше второе испытание — подняться по этой горной тропе. Я буду ждать на вершине. Срок — одни сутки.

Договорив, он вновь превратился в призрачную дымку и исчез.

Толпа заволновалась. Самые нетерпеливые уже устремились к узкой, едва приметной тропке, ведущей в гору. Она разительно отличалась от широкого моста через море: стоило человеку ступить на первую ступень, как его силуэт тут же растворялся в воздухе. Сколько бы людей ни входило на тропу, они не мешали друг другу — пространство словно разрывалось, выделяя каждому свой собственный путь.

Бай Цзянь покосился на Цзюнь Чи:

— Эту дорогу называют Тропой Истинного «Я». Брат рассказывал мне о ней. У каждого из нас свой путь в этом мире… Ну, я пошёл. Встретимся на вершине!

Цзюнь Чи проводил его взглядом и сам шагнул на камни. В то же мгновение тяжесть, сравнимая с ударом молота, навалилась на плечи. Мир вокруг не изменился, он всё ещё стоял на той же горной тропе, но стоило обернуться, как площадь и другие участники исчезли. Он остался один. Впереди лишь извилистая лестница, уходящая в плотный белый туман, которому не было конца.

С первым шагом пришло осознание: его сила заблокирована. Исчезла мощь стадии Зарождающейся Души, пропала внутренняя энергия. Теперь он был обычным смертным, чьё тело стало одновременно и бременем, и единственной опорой. К ногам словно привязали по железному ядру, а сама земля превратилась в гигантский магнит, не желающий отпускать свою добычу.

Цзюнь Чи рассчитывал, что с его закалкой этот подъём станет лёгкой прогулкой, но реальность оказалась суровее. Спустя сотню шагов дыхание стало прерывистым, а лёгкие словно наполнились раскалённым свинцом. Вершина казалась недосягаемой, затерянной где-то в небесах.

Но он не привык сдаваться. Это было только начало.

Из-за запредельной усталости сознание начало путаться. Перед глазами, точно в лихорадочном сне, поплыли образы из прошлой жизни. Там он был самым обычным человеком — по крайней мере, он сам так считал. Тёплый дом, любящая семья, мелкие невзгоды, которые со временем померкли перед лицом настоящей ответственности. Раньше эта жизнь казалась ему прочитанным романом, чужой историей, но теперь забытые чувства нахлынули с новой силой. Он чувствовал себя потерянным, не понимая, где заканчивается его прошлая суть и начинается нынешняя.

Когда силы почти иссякли и он готов был рухнуть на камни, прямо над ухом раздался звонкий голос:

— Брат! Брат!

Цзюнь Чи вздрогнул. Кто это? Зачем он зовёт меня?

— Брат! Это я, Цзюнь Янь!

Знакомое имя подействовало как ушат ледяной воды. Пелена с глаз спала. Перед ним стоял Цзюнь Янь — всё такой же заносчивый, но в облике маленького, пухлого ребёнка с огромными

чёрными глазами.

— Не бегай так быстро, ты ещё маленький, — прохрипел Цзюнь Чи, пытаясь схватить брата за руку. — Будь послушным.

Но маленький Цзюнь Янь лишь рассмеялся и скрылся в тумане. Цзюнь Чи в отчаянии бросился следом. Тело ныло, пот заливал глаза, сознание балансировало на грани обморока, но он упрямо шёл вперёд. На этом пути он встречал многих: лица тех, кто давно исчез из его жизни, и тех, кому ещё суждено было в ней появиться.

Кто они? Случайные прохожие или часть его самого?

Лю Гуйхай, его отец, так сильно любивший их с братом…

«Нет, — осознал Цзюнь Чи, преодолевая очередную ступень. — Моё истинное "я" — это не путь одиночки. Они — часть моей души. Без них меня не существует».

Тяжесть в ногах никуда не делась, но в груди словно открылось второе дыхание. Он шёл сквозь туман, понимая: эта дорога не имеет конца, она будет длиться столько, сколько будет длиться его жизнь. И у него хватит воли, чтобы не останавливаться.

Он не заметил, как туман рассеялся, а под ногами оказалась ровная площадка перед величественным зданием. На воротах красовалась надпись: «Зал Отсечения Лжи и Сохранения Истины». Оглянувшись, Цзюнь Чи увидел лишь бесконечную вереницу людей, едва ползущих сквозь марево. Глядя на них, он не почувствовал ни гордости, ни превосходства. Тропа научила его главному: у каждого свой путь, своя «истина», и сравнивать их бессмысленно.

На площади уже было несколько человек — всего семеро. Минь Сюцин, чей силуэт всё так же колебался между бытием и пустотой, неподвижно парил в воздухе, скрестив ноги.

Цзюнь Чи не увидел среди прибывших ни Цяо Шиюнь, ни Бай Цзяня. Отойдя в дальний угол, он устроился на земле, погружаясь в медитацию. Как оказалось, подъём занял чуть больше трёх часов, и впереди было достаточно времени до начала следующего испытания.

Вскоре на площади начали появляться и другие. Цзюнь Чи с удивлением отметил, что среди них были даже те, кто вовсе не обладал духовной силой — испытание проверяло дух и мудрость, а не уровень развития.

Молодой господин Кунсюй поднялся в числе первых двадцати. Его роскошные одежды пропитались потом, и первое, что он сделал, — привёл себя в порядок с помощью заклинаний. Заметив Цзюнь Чи, он на мгновение замер, но, вопреки ожиданиям, не стал затевать ссору. Вместо этого тот молча выбрал место подальше, расстелил коврик, положил подушку и чинно уселся на неё.

Вскоре показался и Бай Цзянь. Едва ступив на твёрдую землю, он шумно выдохнул и, оглядевшись, тут же направился к Цзюнь Чи. Усевшись рядом прямо на камни, тот пробормотал:

— Ну и дорожка… Название оправдывает полностью. Чуть дух не испустил.

Цзюнь Чи приоткрыл глаза:

— Поздравляю с завершением.

— Да уж, ты-то вон как быстро управился, — Бай Цзянь с любопытством воззрился на приятеля. — Слушай, я всё никак не пойму твой уровень. Скажи честно, какого ты ранга?

— Поздняя стадия Зарождающейся Души, — спокойно ответил Цзюнь Чи.

Бай Цзянь поперхнулся, закашлялся, а потом расхохотался, хлопнув Цзюнь Чи по плечу:

— Ну ты и шутник, братец! Нельзя же так разыгрывать!

— Как хочешь, — усмехнулся Цзюнь Чи.

Спустя некоторое время поднялась и Цяо Шиюнь. Бай Цзянь, проводив её взглядом, заметил:

— А девчонка-то способная, раньше её не видел. Похоже, у неё чистый корень воды. — Он повернулся к Цзюнь Чи: — Я вот — чистый корень ветра. А ты?

— Пять элементов.

Бай Цзянь, ожидавший чего угодно, кроме этого, снова зашёлся в кашле.

— Послушай, мы же вроде как друзья… К чему эти небылицы?

— Я говорю правду, — пожал плечами Цзюнь Чи.

Бай Цзянь вздохнул, не зная, верить или нет.

— Ну, в конце концов, говорят, у самого владыки Нин Фэна тоже было пять корней… Ладно, вернёмся к делу. Я практик ветра, а пламя, как известно, от ветра только сильнее. Мы с тем змеем — идеальная пара, самой судьбой предначертано. Скажи честно, где сейчас мой Хэй Батянь?

Цзюнь Чи лишь отвёл взгляд. В этот момент к ним подбежала радостная Цяо Шиюнь:

— Брат Лю, я справилась!

Цзюнь Чи приветливо кивнул ей. Девушка вежливо поклонилась Бай Цзяню:

— Господин Бай.

Тот ответил сухим кивком, не желая отвлекаться от своей цели.

— Я буду заботиться о нём, как о самом себе, — продолжал он наседать на Цзюнь Чи. — Стать моим духовным зверем — это же такая удача!

— Когда увижу своего друга, я представлю вас друг другу, — пообещал наконец Цзюнь Чи, хотя в глубине души сомневался, что Лэ Бану эта идея понравится. Скорее уж тот предпочтёт проглотить навязчивого заклинателя целиком.

Но Бай Цзянь так обрадовался, что едва не пустился в пляс:

— Я знал, что на тебя можно положиться! Настоящий друг!

Сутки подошли к концу. Цзюнь Чи провёл быстрый осмотр площади: из нескольких тысяч испытание прошли лишь около восьмисот человек.

http://bllate.org/book/17440/1663155